

Идеологические и мифопоэтические аспекты хронотопа в трагедии Б.Л. Пастернака “Этот свет”

Борис Пастернак работал над пьесой на тему Великой Отечественной войны в 1942 г. по договору с драматическим театром города Новосибирска. Однако пьеса так и не была окончена и сдана, а в дальнейшем частично уничтожена автором. Сохранились только 3-я и 4-я картины первого акта. Пастернак, отталкиваясь от современной соцреалистической драматургии на патриотическую тему, «решил не стеснять себя размерами и соображениями сценичности и писать не заказную пьесу для современного театра, а нечто свое...». И это «свое» выразилось в том, что персонажи драмы поднимают запрещённые темы ссылок и доносов, с неприятием цитируют расхожие фразы Сталина («жить стало лучше, жить стало веселее»). Двадцатилетие, прошедшее со времени революции, называют дурацким и обидным. К тому же на советской сцене в то время было немислимо приводить слова из Божественной Литургии и Псалтыри. Такое содержание пьесы сделало невозможным ее постановку или публикацию в идеологических условиях того времени. Именем главного персонажа драмы – «Иннокентием Дудоровым» – автор предполагал назвать создаваемый роман «Доктор Живаго».

Согласно исследованию Бахтина, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов»¹. Исходя из этого вывода рассмотрим художественную философию Бориса Пастернака сквозь призму категорий пространства и времени. По времени действие драмы «Этот свет» происходит в сентябре-октябре 1941 г. Однако исторический охват эпохи, приводимой в истории жизни персонажей – это весь 20 век. Ни один этап из трудной истории России не был упущен автором. В трагедии упоминается дореволюционный уклад, Октябрьский переворот, Гражданская война, неп, сталинские репрессии и фашистская оккупация.

¹ Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике

Идеологический аспект художественного времени и пространства выражается в том, что в сознании героев перемежаются времена Гражданской войны и настоящее наступление фашистов к городу. Персонажи пьесы раз разом сравнивают ощущение исторических перемен революции с начавшейся войной с фашизмом. Следы от снарядов и пули на полу напоминают героям время октябрьского переворота. Наступивший хаос и смятение от того, что «представители власти и армия покинули область» в душе персонажей «возвращает» ощущение безвластия и самозванства гражданской войны, когда территории переходили от белых к красным и обратно.

И это ощущение роковой и решающей минуты «сбрасывает» всю ложь советской действительности и возвращает святую цель спасения России от беды. Иннокентий Дудоров прямо говорит: «Я русский человек, мне приходят последние денечки, а в сумме это Достоевский». Он в христианском порыве призывает своего друга Гордона встать на колени и целовать землю со словами: «Пусть этому были примеры и мы кого-то повторяем». Земля в этом проникновенном монологе символизирует Россию, которая теперь стала превыше всего – «земля нашего удивительного рожденья и детства, только Россия, только наша непосильная гордость, только место нашей революции, давшей миру новую Голгофу и нового бога».

Ложь советского уклада особенно ярко ощущается в переломный момент, что позволяет Дудорову назвать настоящую страшную минуту одновременно захватывающей и упоительной. Это второй исторический перелом после революции. Смело звучат слова героя о наступлении фашистов: «это конец, а не избранье почетного президиума на общегородском собрании, это факт, это что-то до ужаса настоящее, этому не надо говорить, что оно любимое и что жить стало лучше, жить стало веселее, это действительность...». Через десятилетие, работая над «Доктором Живаго», автор изменил свое отношение к резким идеологическим высказываниям:

«политически непривычные резкости <...> не заслуживают упоминания даже полемического».

Сценическое пространство двух сохранившихся картин воспринимается как решающее средство выразительности. Одна картина происходит в бомбоубежище дома по Нижнему Кладбищенскому в провинциальном городе Пущинске. Прототипом для этого вымышленного города, скорее всего по аналогии с названием, мог стать подмосковный город Пущино. Автор использует тот же прием, что и Максим Горький в пьесе «На дне», помещая своих героев в подвал бомбоубежища. Только здесь, как и в ночлежке, могут встретиться те персонажи, которые никогда не соберутся вместе в мирной жизни. У Пастернака сходятся и не могут понять друг друга «старые» и «новые» люди. Герои старого мира – бывший арестованный священник Вельяминов и интеллигент профессор Дудоров. Другие герои – советские, их жизнь связана с новой Россией (дочь дворника, портниха из беспризорных, политический заключённый). Близость к оформлению сцены в пьесе «На дне» видна в том, что персонажи лежат на наспех сколоченных нарах, за перегородкой постанывают раненые, вся сцена наполнена гомоном и неотчетливыми голосами.

Пространственно-временная организация пьесы в этой картине осложняется обращением к памяти персонажа, как внутреннему пространству для развертывания событий. Одна из действующих лиц - портниха из беспризорных в подвале бомбоубежища рассказывает собравшимся историю своей жизни. Ее монолог занимает 3,5 страницы текста и является совершенно несценическим, что и делает драму именно драмой для чтения. В речи Друзякиной на экран припоминания процентируется время и пространство не только всей ее жизни, но и жизни ее родителей. Перед глазами читателей проходят Первая мировая война, Гражданская война, побег ее матери с любовником белым министром, наступление красных. И отдельный эпизод – самый страшный в ее жизни – нападение разбойника на железнодорожную

сторожку, где она жила с мачехой. Этот монолог был использован автором в эпилоге «Доктора Живаго» как история жизни Тани Безочередовой, дочери Живаго и Лары. Так незаконченная пьеса в 1950-е гг. стала буквально материалом для последних частей «Доктора Живаго».

Сценическое пространство другой картины принципиально не может быть воспроизведено на сцене. Авторская ремарка оправдывает именование пьесы именно «драмой для чтения»: «День с переменной погодой конца октября. Был снег, теперь ветер и ясность, снег может каждую минуту повториться. В дальнем конце поля, у служб, два костра, серо-сизый дым которых гонит на рассыпанную мокрую картошку». Известно, что Борис Пастернак, приступая к работе над пьесой, сообщал в переписке о своем намерении возродить в военной драме забытые традиции Чехова. В пьесе Чехова «Вишневый сад» **весенняя природа накладывает** непередаваемые ощущения на чувства всех персонажей. Также и Пастернак через состояние осенней природы, уходящей по снег, выразил чувство приближающейся смерти в оборонной пьесе.

Хронотоп драмы пронизывает мифопоэтический мотив снега, заматающего границу между жизнью и смертью, который позже будет звучать и в главном романе писателя. В трагедии «Этот свет» Иннокентий Дудоров в своём проникновенном монологе под падающим снегом обращается к Господу со словами благодарности и чувством близкого прощания с жизнью: «Прощай моя жизнь, прощай, мое недавнее, мое вчерашнее...». Он смотрит на землю с тальными снежинками и говорит: «Не сегодня завтра она уйдет под снег. И я, и я. В этом году и я». На сцене вдалеке глухо доносятся звуки похоронного марша – хоронят молодую учительницу. В романе «Доктор Живаго» образ вьюги и метели, возникающей с первых страниц, проходит через весь роман. Итоговый роман Пастернака также начинается сценою похорон матери Юрия Живаго. И в ночь после погребения перепуганный мальчик смотрит в окно и видит как «с неба оборот за оборотом бесконечными мотками падала на землю

белая ткань, обвивая её погребальными пеленами». В двух упомянутых произведения Бориса Пастернака снег замечает границу между жизнью и смертью и символизирует смерть. Этот мифопоэтический мотив имеет древние корни и встречается и в фольклоре, и в литературе. Но также мы знаем и об особом отношении Пастернака к Блоку, а мысль о снегах, которые «замели границу жизни и смерти» звучит в переписке Александра Блока с Андреем Белым.

В пьесе «Этот свет» художественная философия автора, выраженная через категории пространства и времени, имеет глубокий религиозный подтекст. В только что упомянутом монологе Дудоров под падающим снегом обращается к Богу: «Господи, зачем мне так нравится твой порядок. <...>. Благодарю Тебя, Господи, что Ты дал мне глаза видеть, а когда глядеть поздно, проливать ими слезы. Изведи из темницы душу мою, исповедоваться имени Твоему». И эти слова из 141 Псалма Иоанна Златоуста воскрешают в памяти стародавнее дореволюционное время, которое в 1940-е годы казалось канувшим в лету. Стихира из псалма, который вспоминает Дудоров, читается в Великую субботу на Пасхальном богослужении. Текст псалма содержит воззвание страждущего об избавлении от тяжелых бедствий (в пьесе от наступления немцев). Позже весь дух романа «Доктор Живаго» будет пронизан евангельским мотивом воскресения, который звучит в монологе Дудорова в пьесе «Этот свет».

В заключение отметим, что мифопоэтические мотивы хронотопа имеют древнюю традицию. Мы никогда не узнаем почему Борис Пастернак уничтожил некоторые части пьесы. Борисов первым сделал предположение о том, что автор сознательно уничтожил рукописи пьесы из-за идеологических аспектов. Противоположного мнения придерживается Борис Гаспаров, отмечая, что Пастернак мог уничтожить рукописи «по чисто внутренним творческим причинам».